ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

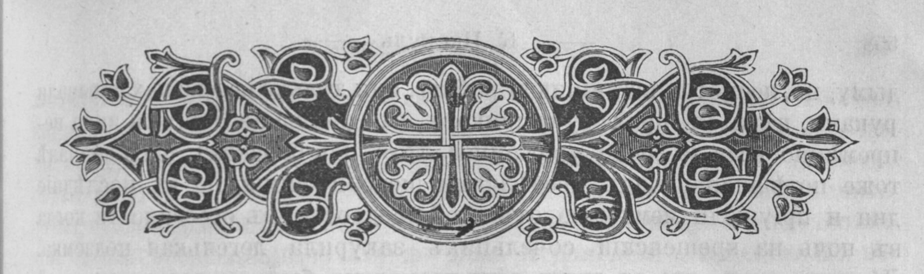
ГОДЪ ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ

НОЯБРЬ, 1898

СОДЕРЖАНІЕ.

НОЯБРЬ, 1898 г.

См. слѣд. стр.

ПАМЯТНЫЙ КРЕЩЕНСКІЙ СОЧЕЛЬНИКЪ.

(Страничка изъ семейной хроники).

ЕДРАЯ ВЫДАЛАСЬ зима въ 1825 году; какъ повалилъ снѣгъ съ первопутки, такъ и пошелъ валить безъ удержу, безъ мѣры; сыпалъ по днямъ, по суткамъ, по цѣлымъ недѣлямъ безъ передышки, позасыпалъ всѣ дороги, сравнялъ овраги, спряталъ подъ собою мосты, вѣхи, гдѣ какія торчали, превратилъ поля въ сплошное «бѣло-море-океанъ», и ищи тутъ пути и проѣзда, какъ знаешь!

Не въ мѣру распалившаяся зима превратила и маленькое село Богданово во что-то крайне странное и необычное; на виду изъ всего села оставались только церковь да большой, двухъэтажный барскій домъ, самая же деревушка, со всѣми ея строеніями, совсѣмъ исчезла подъ снѣгомъ, и на томъ мѣстѣ, гдѣ стояла она, лишь тянулись вдоль узкой ложбины, гдѣ въ обычное время пролегала улица, длинные сугробы снѣга, которые въ извѣстные часы курились наподобіе огнедышащихъ горъ, и только по этому дыму да по прорытымъ отъ дороги тонелямъ и коридорамъ, оканчивавшимся черными, закоптѣлыми дверями, проѣзжій могъ догадаться, что онъ ѣдетъ по деревнѣ, и что въ этихъ снѣговыхъ горахъ есть живые обитатели. Хлопотъ мужикамъ задала зима немало; всѣ руки отвертѣли они, прочищая по нѣсколько разъ на день путь къ сараямъ и хлѣвамъ, чтобы задать кормъ скоту, и даже нерѣдко приходилось отчищать трубы на избахъ, чтобы дать выходъ

дыму, но, несмотря на лишнюю работу, они только весело похлопывали руками, вѣря въ примѣту стариковъ, что обильная снѣгомъ зима непремѣнно вела за собой урожайное лѣто. Въ барскомъ домѣ вначалѣ тоже потѣшались надъ продѣлками щедрой зимы, но въ послѣдніе дни и пріуныли немножко отъ этой щедрости, въ особенности когда въ ночь на крещенскій сочельникъ закурила легенькая подземка. Дѣло въ томъ, что въ этотъ день назначена была помолвка старшей дочери богдановскаго барина, Георгія Николаевича Бордовицына—Александры, съ сыномъ сосѣда-помѣщика Платономъ Борисовичемъ Страховымъ,—помолвка и безъ того неособенно-то радостная и желательная для семьи, и отъ которой собиравшаяся разыграться мятель могла отнять и послѣднее веселье. Конечно, болѣе всего было огорчено непогодой молодое поколѣніе барскаго дома, но нельзя сказать, чтобы и хозяева его относились къ этому непріятному обстоятельству совсѣмъ равнодушно. Вѣдь пиръ затѣвался на весь міръ, приглашеній было разослано чуть не на три уѣзда, и изъ губернскаго города, начиная съ предводителя и губернатора, ожидался самый цвѣтъ аристократіи; приготовленія къ балу дѣлались въ такихъ широкихъ размѣрахъ, что о немъ, по крайней мѣрѣ, должны были говорить цѣлый сезонъ въ губерніи, и вдругъ все это рухнетъ, и изъ пышнаго бала выйдетъ простая вечеринка съ однимъ, другимъ десяткомъ гостей! При такихъ соображеніяхъ досада и волненіе хозяевъ были вполнѣ понятны. Но, прежде чѣмъ продолжать о балѣ, нужно сказать что нибудь о тѣхъ, кто давалъ его.

Георгій Николаевичъ Бордовицынъ считался въ свое время однимъ изъ самыхъ богатыхъ помѣщиковъ въ губерніи. Я не знаю въ точности, сколькими душами и въ какихъ именно губерніяхъ владѣлъ онъ, но, судя по тому, что въ нашъ родъ перешло отъ него по женской линіи около трехъ тысячъ десятинъ земли въ Смоленской губерніи, должно думать, что состояніе его, дѣйствительно, было весьма значительное, тѣмъ болѣе, что эта часть досталась намъ уже послѣ большого раздробленія, какому подверглось его имущество, по его смерти, при раздѣлѣ между его дѣтьми. А семья у дѣдушки (мнѣ Бордовицынъ приходился прадѣдомъ по матери, но я какъ привыкла, такъ и буду называть его дѣдушкой) была такъ велика, что мнѣ и до сихъ поръ нужны на подмогу или пальцы, или клочекъ бумаги, чтобы сосчитать всѣхъ моихъ дядюшекъ и тетушекъ изъ рода Бордовицыныхъ. Оставляя въ сторонѣ дядюшекъ, я насчитываю девять дочерей у дѣдушки и все-таки не могу поручиться, что не пропустила какой нибудь, такъ какъ многихъ изъ нихъ не знала лично, а считать по разсказамъ сбиваюсь въ именахъ.

Говорятъ, что всѣ барышни изъ рода Бордовицыныхъ были очень красивы, а старшая дочь дѣдушки—Александра, которую звали въ семьѣ Татей, въ дни своей молодости носила даже громкое и нема-

ло значившее въ тѣ времена званіе «губернской красавицы». Теперь, когда все становится столь скоропреходящимъ, когда жизнь катитъ на всѣхъ парахъ, и одно стремительно несется на смѣну другому, странно даже и слышать такой титулъ и еще труднѣе представить себѣ, чтобы онъ могъ имѣть весьма серьезное значеніе не только для самой носительницы его, но даже и для всей ея семьи. Но въ старину былъ совсѣмъ иной строй жизни и вещей, и притомъ тогда все было какъ-то очень крѣпко, основательно и, вѣроятно, поэтому—значительно. Тогда, напримѣръ, даже дворянское общество имѣло строгое разграниченіе и подраздѣленіе, и попасть изъ одного круга въ другой стоило неимовѣрныхъ и подчасъ, увы! все-таки безплодныхъ усилій. А между тѣмъ для семьи, въ которой была губернская красавица, не только настежь открывались всѣ двери, но не проходило ни одного бала, раута или какого либо иного, болѣе или менѣе значительнаго въ губернской жизни событія, на которое она не получала бы самаго любезнаго приглашенія. А это одно ужъ чего стоило! Тутъ составлялись хорошія партіи, являлись связи, протекція. Впрочемъ, о протекціи и хлопотать было нечего. Такой семьѣ каждый старался угодить, чѣмъ могъ, ее всячески вытягивали, чтобы дать красавицѣ подобающее положеніе. При бракахъ кого либо изъ членовъ этой семьи о «мезальянсахъ» не могло быть и рѣчи: женится ли братъ красавицы, будь онъ хоть мелкопомѣстный дворянинъ, на графинѣ—графиню не осудятъ и не удивятся, выйдетъ ли сама красавица за незначительнаго человѣка—она своего достоинства и положенія не теряла. Правда, что давалось такое званіе не первому смазливому личику, но зато ужъ и держалось крѣпко. Тетушкѣ моей Александрѣ Георгіевнѣ было бы теперь, если бы она была въ живыхъ, восемьдесятъ девять лѣтъ, и повѣритъ ли читатель, что достаточно и въ настоящее время упомянуть при комъ либо, не говорю изъ старожиловъ, но и изъ сравнительно молодыхъ, только лишь коренныхъ губернскихъ обывателей, фамилію Бордовицыныхъ, какъ непремѣнно услышишь вопросъ: «ахъ, это не тѣ ли Бордовицыны, гдѣ была Александра Георгіевна? Вотъ, говорятъ, красавица-то была! Вѣдь на выборъ первые въ губерніи женихи за нее сватались». А если собесѣдникъ попадется изъ знавшихъ лично тетушку, то тутъ похвалъ и восторговъ наслушаешься вдоволь. И нужно отдать справедливость старинѣ: она знала толкъ въ красотѣ и ненапрасно расточала свои похвалы. Я не мастеръ описывать красавицъ и поэтому, не вдаваясь въ такія описанія, просто укажу на сходство, на такое сходство, по которому кто знаетъ одну, получитъ вѣрное представленіе и о другой, а кто не знаетъ ни той, ни другой, воображенію того, все равно, едва ли помогутъ и мои описанія. Тетушка моя имѣла удивительное сходство съ Н. Н. Гончаровой, женой поэта Пушкина, но (да проститъ мнѣ великій поэтъ), думается мнѣ, была красивѣе послѣдней, думаю такъ

потому, что, во-первыхъ, при такой же правильности и тонкости чертъ, выраженіе лица тетушки было необыкновенно доброе и привѣтливое, во-вторыхъ, она была нѣжнѣе, какъ-то воздушнѣе Пушкиной, и, кромѣ того, въ ея красотѣ, должно быть, было что-то еще болѣе строгое и правильное, ибо, судя по портрету Пушкиной, снятому въ зрѣломъ возростѣ, должно думать, что къ старости въ ней не осталось и слѣда ея прежней красоты, тогда какъ тетушка и въ старости была положительно красива, конечно, соотвѣтственно своему возросту, но все-таки настолько, что при первомъ же взглядѣ на нее видно было, что въ молодости она была красавицей. Въ остальномъ же сходство между ними было настолько сильно, что, глядя на пушкинской выставкѣ на портретъ жены поэта, мнѣ все казалось, что я вижу мою тетю Тату, немножко лишь располнѣвшую и отъ этого утратившую нѣкоторую долю своей воздушности и снятую въ дурномъ расположеніи духа, поэтому, хотя и улыбающуюся по привычкѣ, но дѣланною, холодною улыбкой.

Въ «красавицы» тетушка моя попала очень рано: говорятъ, что когда она спала еще въ люлькѣ, всѣ, кому удавалось видѣть ее, предсказывали дѣдушкѣ, что его дочь будетъ красавица, но, конечно, такимъ раннимъ предсказаніямъ сначала никто не придавалъ настоящаго значенія, принимая ихъ просто за желаніе сказать родителю что нибудь пріятное о его первенцѣ-ребенкѣ, и лишь когда Тата стала подыматься на ноги, всѣ убѣдились, что въ предсказаніяхъ этихъ заключалась не одна лесть, и что изъ дѣвочки, дѣйствительно, должна выйти женщина рѣдкой красоты. Дѣдушка былъ въ семьѣ главнымъ центромъ, вокругъ котораго вращались всѣ заботы и вниманіе, который давалъ въ домѣ тонъ всему, однимъ словомъ qui faisait la pluie et le beau temps, гордый и самолюбивый, онъ возблагоговѣлъ передъ своей дочерью, которая своей красотой какъ нельзя болѣе льстила его отцовской гордости, а за нимъ передъ Татой возблагоговѣло и все, что имѣло близкія отношенія къ дому Бордовицыныхъ. Для Таты дѣлалось все, чего бы она ни пожелала, знакомые наперерывъ старались доставить ей какое нибудь удовольствіе, дворня почитала за счастье угодить чѣмъ либо Александрѣ Георгіевнѣ, меньшіе братья и сестры «обожали» ее. Къ чести тетушкиному уму должно сказать, что такая обстановка не испортила ея характера: она была неизмѣнно добродушна, крайне деликатна и поэтому нетребовательна, привѣтлива и скромна. Отлично зная свою силу въ домѣ, она пользовалась ею лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда приходилось ходатайствовать за кого нибудь передъ дѣдушкой. Само собою разумѣется, что такое соединеніе нравственныхъ достоинствъ съ физическими лишь подымало шансы Таты и усиливало всеобщую любовь къ ней. Но вотъ Тата выросла, ее повезли на первый балъ въ губернскій городъ, и съ этого бала начался длинный, непрерывный рядъ настоящихъ тріумфовъ ея въ

свѣтѣ. Дѣдушка таялъ отъ удовольствія: все заговорило о его дочери, слухи о ея красотѣ разнеслись не только по своей, но и по сосѣднимъ губерніямъ, всѣ искали случая видѣть ее, быть ей представленнымъ, и отцу пришлось широко раскрыть двери его большого дома въ Богдановѣ. Вскорѣ одинъ за другимъ стали появляться и искатели руки юной красавицы Но Тата, не задумываясь, отказывала направо и налѣво. Предполагая, что такіе стремительные отказы сыплются просто потому, что его дочери никто не успѣлъ еще понравиться, дѣдушка относился къ этому равнодушно, хотя въ числѣ претендентовъ были и такіе, которые даже и по его понятіямъ могли быть подходящей партіей для Таты, но когда послѣдовалъ отказъ и на предложеніе столь блестящаго во всѣхъ отношеніяхъ жениха, подобнаго которому другого трудно было и ожидать въ провинціи, дѣдушку немного озадачило это, и онъ даже рѣшился предложить дочери пораздумать надъ этимъ предложеніемъ.

— Нѣтъ, папа, я все равно не пойду, стало быть, и раздумывать нечего,—спокойно отвѣчала Тата.

— Но почему же, мой другъ? Онъ прекрасный человѣкъ и имѣетъ блестящее положеніе.

— Я знаю все это, но онъ нисколько не нравится мнѣ.

Но такой, казалось бы, естественный и искренній отвѣтъ не удовлетворилъ дѣдушку и даже вызвалъ въ немъ подозрѣнія относительно свободы сердца его дочери. Явилось ли это подозрѣніе слѣдствіемъ того, что самъ онъ находилъ жениха прекраснымъ, и поэтому ему трудно было повѣрить, что онъ не произвелъ никакого впечатлѣнія на молодую дѣвушку, или, быть можетъ, онъ уловилъ въ отвѣтѣ Таты какую нибудь фальшивую нотку, только съ этого времени онъ сталъ слѣдить за ней. Но задача эта была не легка: Тата съ дѣтства отличалась большой сдержанностью и самообладаніемъ, и дѣдушкѣ пришлось употребить немало времени и бдительности, пока его наблюденія привели его къ весьма невеселому для него открытію. Оказалось, что Татѣ нравился сынъ ихъ сосѣда-помѣщика—Платонъ Страховъ. Противъ самой личности Платона дѣдушка не имѣлъ ничего, но, какъ партію для Таты, находилъ его совсѣмъ неподходящимъ. Страховы были очень небогатые люди, и хотя сынъ ихъ и служилъ въ гвардіи, но эта служба стоила такихъ натяжекъ для семьи, что не было никакого сомнѣнія, что Платонъ долго на ней не продержится и долженъ будетъ перейти въ армію. Такимъ образомъ, нельзя даже было разсчитывать, чтобы онъ сдѣлалъ хотя хорошую служебную карьеру, тѣмъ болѣе, что и дѣдушка не могъ поддержать его, такъ какъ по своей многосемейности не могъ дать очень большого приданаго за дочерью. Эти непріятныя обстоятельства осложнялись еще глубокимъ и впечатлительнымъ характеромъ Таты; дѣдушка былъ увѣренъ, что въ его дочери такое чувство, какъ первая любовь, не можетъ быть мимолетнымъ, легкимъ

увлеченіемъ, и эта увѣренность вызывала въ немъ серьезное безпокойство. Послѣ долгихъ размышленій онъ рѣшился переговорить съ Татой по этому поводу и, позвавъ ее однажды къ себѣ въ кабинетъ, сказалъ:

— Тата, не знаю, ошибаюсь я или нѣтъ, но мнѣ кажется, что ты увлечена Платономъ Страховымъ?

— Да, папа, онъ нравится мнѣ,—со свойственною ея характеру прямотой отвѣтила Тата.

— Но, мой другъ, подумала ли ты объ этомъ? Какая же онъ для тебя партія? Сынъ мелкаго помѣщика, поручикъ, который не сегодня-завтра вынужденъ будетъ снять, по недостатку средствъ, гвардейскій мундиръ,—это ли женихъ для Таты Бордовицыной?

— Если вы, папà, находите его недостойнымъ вступить въ нашу семью, я, конечно, не пойду за него замужъ... но не пойду и ни за кого другого.

На этомъ объясненіе кончилось. Дѣдушка никакъ не ожидалъ такого крутого оборота дѣла и былъ крайне смущенъ. Предъ нимъ вдругъ выпала задача, двоякое рѣшеніе которой было одинаково ему больно и прискорбно. Воспрепятствовать браку? Но что же выиграется этимъ? Онъ зналъ характеръ своей дочери и зналъ, что эти слова: «не пойду и ни за кого другого», въ ея устахъ не пустая фраза, но что оно такъ будетъ и на дѣлѣ. Надъ его мечтами о блестящей партіи для Таты поставленъ былъ крестъ. Допустить? Но видѣть свой кумиръ, свою красавицу Тату женою бѣднаго армейскаго офицера—это казалось ему чудовищной несообразностью.

Между тѣмъ, пока старикъ молчалъ и раздумывалъ, не любившая секретовъ и ложныхъ положеній Тата сочла нужнымъ объявить семьѣ о своемъ разговорѣ съ отцемъ. Само собою разумѣется, что сообщеніе это произвело на всѣхъ членовъ семьи крайне тяжелое впечатлѣніе.

Мать пробовала уговаривать Тату, та терпѣливо выслушивала ея доводы и резоны, но въ концѣ концевъ неизмѣнно повторяла одно: что если родители не желаютъ ея брака съ Страховымъ, то ему, конечно, не быть, такъ какъ она не сдѣлаетъ ничего противъ ихъ воли, но, въ свою очередь, проситъ уважить и ея волю въ такомъ дѣлѣ, которое ближе всего касалось ея. Братья и сестры тоже были смущены выборомъ Таты и даже представить себѣ не могли рядомъ съ ихъ красавицей сестрой, для которой, по ихъ понятіямъ, и въ цѣломъ мірѣ не было достойнаго жениха, фигуру Платона Страхова, который часто бывалъ у нихъ, лишь какъ ближайшій сосѣдъ, но котораго они привыкли считать за ничто. Но больше всѣхъ вскипѣла гнѣвомъ старая няня, вынянчившая все молодое поколѣніе Бордовицыныхъ, не знавшая цѣны своей старшей питомицѣ и безъ умолку пѣвшая гимны ея недѣтскому уму и разсудительности.

— Чтожъ это ты, Александра Егоровна, за Платона Страхова замужъ собралась?—обозумѣвъ отъ такой безразсудности своей любимицы, накинулась она на нее при первомъ удобномъ случаѣ.— Аль не съ того конца выбирать стала и хуже ужъ ничего не нашла? Опомнись! Тебѣ ль, дочери Егора Николаевича, выходить за какого-то юнкеришку?

— Во-первыхъ, няня, не сочиняй: ты знаешь, что онъ не юнкеръ, а офицеръ, а, во-вторыхъ, хотя бы и такъ, что изъ этого? И папа былъ когда-то юнкеромъ, а дослужился до генерала,—возразила Тата.

— Вотъ нашла кого приравнять! У папеньки твоего, когда онъ и юнкеромъ былъ, може, милліонъ денегъ въ карманѣ лежалъ, а тутъ на всю братію 400 душъ крестьянъ. Тутъ и Платонъ твой, и двѣ сестры не выданныхъ, да и стариковъ живыхъ въ яму не покидаешь. И что подѣялось съ тобой? Аль приворожили тебя, или еще какое лихо стряслось?

— Еще что выдумай? Ничего со мной не подѣялось...

— Какъ ничего? А гдѣжъ твой умъ сразу дѣвался?

— Умъ, какой былъ, при мнѣ остался, а понравился мнѣ Платонъ, и больше ничего.

— Ну, такъ я и говорю, что тутъ неладно! Вишь, умъ при ней остался, а того, что тебѣ любить-то его не стать,—этого не понимаешь.

— Почему же это мнѣ любить его не стать?

— А потому, что знай всякъ сверчокъ свой шестокъ: люби всякъ, кому кого подобаетъ, а то, може, и мнѣ полюбился бы нашъ предводитель, графъ?.. такъ чтожъ бы это, по твоему, умно-бъ было? А оно-бъ значило, что я дура сквозная—и больше ничего.

— Вотъ нашла-то сравненіе.

— Не дергай, милая, плечами, я какъ разъ въ линію угадала: что ты — и Платонъ Страховъ, то я — и предводитель. Вѣдь коли тебя за Платона выдавать, такъ тогда Елизавету Егоровну надоть выдать за Ванюшку Симкевича, что у твоего папеньки изъ милости на конномъ заводѣ надзирателемъ служитъ. Вѣдь онъ тоже шляхтичъ и, може, у себя на родинѣ такой же дворянинишко, какъ и твой Платонъ.

— Э, няня, ну, что городить глупости! Да и что толковать? Свадьбы не будетъ,—стало быть, и говорить не о чемъ.

— Свадьба? Да не то, что свадьбы, а я-бъ тебя за однѣ твои думки такія, за одно твое любленіе высѣкла! Много тебѣ воли дали, разбаловали тебя, въ надеждѣ, что ты умная, анъ, ты дурь да блажь на себя и напустила.

Здѣсь няня ужъ прямо противорѣчила себѣ; ей, наоборотъ, всегда казалось, что для ея ненаглядной Шурочки дѣлаютъ слишкомъ мало, что она стоитъ большаго баловства, но, видно, старуху

сильно задѣло за живое неблагоразуміе ея питомицы, и она долго еще пилила ее, несмотря даже на отданный дѣдушкою приказъ, чтобы въ домѣ никто не смѣлъ больше говорить о Страховѣ, какъ о женихѣ. А отданъ былъ такой приказъ въ томъ соображеніи, что дѣдушка не хотѣлъ показать, что придаетъ серіозное значеніе своему разговору съ Татой и ея увлеченію; онъ все-таки желалъ, хотя и плохо вѣрилъ въ успѣхъ своихъ намѣреній, прежде чѣмъ рѣшиться дать свое согласіе на этотъ бракъ, испробовать все, что, по его понятіямъ, могло отвлечь сердце его дочери отъ ея первой, неудачной любви; и въ число придуманныхъ имъ для этого средствъ входила и оттяжка, то-есть время.

Цѣлыхъ два года крѣпился дѣдушка и не давалъ своего согласія; но, къ прискорбію своему, видѣлъ, что положеніе дѣла въ теченіе этого періода времени нисколько не измѣнилось. Тата попрежнему много выѣзжала, попрежнему производила фуроръ... и попрежнему отказывала женихамъ. Пробовалъ дѣдушка не разъ вышучивать ея любовь и слова, какъ дѣтскій будто бы капризъ,— Тата молчала и улыбалась, но когда онъ или мать передавали ей о предложеніи какого нибудь новаго жениха, она отвѣчала:

— Вѣдь я же просила васъ, чтобы вы отказывали сами, какъ хотите. Зачѣмъ же заставлять ожидать, лишній день томить человѣка неизвѣстностью?

И въ концѣ концевъ дѣдушка, какъ ни горько это ему было, долженъ былъ согласиться на бракъ своей любимой дочери съ Платономъ Страховымъ. Случилось это на Рождественскихъ святкахъ, когда Платонъ пріѣхалъ въ отпускъ изъ Петербурга, а такъ какъ отпускъ жениха былъ непродолжителенъ, и 5-е января было днемъ рожденія дѣдушки, то и рѣшено было отпраздновать въ этотъ день помолвку. Узнавъ объ этомъ, старая нянька, и раньше говорившая, что все-то въ этомъ сватовствѣ «дѣялось не путемъ», возмутилась:

— Какая помолвка въ сочельникъ? Господи Іисусе! Видно, всѣ голову потеряли, всѣ съ ума посошли,—заворчала она, но ея основательная воркотня ничего не могла уже измѣнить, такъ какъ большая часть приглашеній была уже разослана. Казалось бы, и толковать было не о чемъ, но старость нелегко примиряется съ тѣмъ, что противно ея убѣжденіямъ, и когда въ ночь на сочельникъ закурила подземка, няня разворчалась такъ, что дѣдушка даже не выдержалъ и крикнулъ на нее:

— Да будетъ тебѣ каркать, старая ворона!

Но «старая ворона» не очень-то боялась барскихъ окриковъ и отвѣчала на него длинной, поучительной тирадой:

— Чего, батюшка, расходился, чего кричишь? Нешто не видишь, что тутъ и безъ всякаго карканья дѣло дрянь выходитъ. Да и подѣломъ тебѣ! Не затѣвай въ сочельникъ сговоры назначать да балы

давать, не затѣвай гостей на плясы собирать, когда добрые люди постятся да кутью ѣдятъ! А теперь и гляди! Посозвали всѣхъ, поприготовились, анъ, въ такую-то погоду, почитай, никто и носа изъ дома не покажетъ. Да ужъ кабы никто, а то изъ дальнихъ-то, може, кто и тронулся, и выйдетъ изъ твоего сговора ни балъ, ни будни: готовили про попа, а поѣлъ кто попалъ.

Но, къ общему удовольствію, предсказанія старой няни на этотъ разъ не сбылись; къ полдню заметь прекратилась, и къ Бордовицынскому дому стали одинъ за другимъ подъѣзжать запряженные шестерками и четверками на выносъ возки и сани. Гостей собиралось много, но, къ огорченію дѣдушки, между ними не было губернатора. Это отсутствіе удивляло его, такъ какъ онъ былъ съ губернаторомъ въ очень хорошихъ отношеніяхъ и зналъ, что безъ особенно важной причины тотъ не оставитъ безъ своего участія такого его семейнаго торжества, какъ помолвка Таты.

Но вотъ уже и смерклось; большая, въ два свѣта съ хорами и эстрадой для музыки зала запылала огнями, гости разошлись переодѣваться къ балу, а губернатора все не было.

Въ десять часовъ начался балъ, многолюдный, оживленный, съ роскошными туалетами дамъ, съ фамильными кружевами и бриллiантами, съ привезеннымъ изъ Москвы оркестромъ музыки. Невѣста въ своемъ воздушномъ, сдѣланномъ изъ блѣднорозоваго газа туалетѣ была такъ восхитительна, что у дѣдушки больно-пребольно сжалось сердце, когда онъ увидалъ ее. «И такая-то красота, такой-то ангелъ достается какому-то Платону Страхову», подумалъ онъ и старался даже не смотрѣть на дочь. А Платонъ Страховъ отъ восторга просто не чуялъ земли подъ собой. Желая какъ нибудь примирить съ нимъ дѣдушку, бабушка не разъ указывала мужу на жениха и говорила:

— Ну, чтожъ, за то другой, можетъ быть, и не цѣнилъ бы такъ своего счастья, а на этого, по крайней мѣрѣ, отрадно смотрѣть, настоящій женихъ: счастливъ до одурѣнія и восхищенъ своей невѣстой до полной, должно быть, слѣпоты ко всему остальному.

Дѣдушка какъ бы пропускалъ мимо ушей слова жены, но, желая уломать себя, искоса наблюдалъ за женихомъ, и подчасъ нѣчто въ родѣ сдержанной, довольной улыбки мелькало на его лицѣ. Но вотъ случилось что-то странное; посреди бала, пробираясь позади стульевъ танцующихъ, къ Страхову подошелъ его старый лакей и, нагнувшись, что-то тихо доложилъ ему. Платонъ сразу было махнулъ рукой, чтобы онъ уходилъ, но старый слуга продолжалъ настойчиво говорить что-то, и Страховъ вдругъ смертельно поблѣднѣлъ и, даже не сказавъ ничего сидѣвшей подлѣ него невѣстѣ, поспѣшно вышелъ за своимъ лакеемъ въ швейцарскую. Чрезъ минуту онъ вернулся въ залъ и, подойдя къ Татѣ, сталъ что-то быстро говорить ей, причемъ замѣтно было, какъ дрожала его ниж-

няя челюсть. На лицѣ Таты сначала выразилось удивленіе, а потомъ тревога, но, по привычкѣ владѣть собою, она быстро подавила свое волненіе и осталась на мѣстѣ, продолжая любезно разговаривать съ сидѣвшими ближе къ ней гостями. Выбравъ удобную минуту, дѣдушка подошелъ къ дочери и, уклонившись съ нею отъ гостей, спросилъ:

— Что такое случилось? Куда побѣжалъ Платонъ?

— Не знаю, папа. Онъ долженъ былъ немедленно уѣхать по какому-то, вѣроятно, очень важному дѣлу.

— Уѣхать? Отъ помолвки? Но онъ, конечно, вернется?

— Не знаю, впрочемъ, вѣроятно, сегодня не вернется, потому что онъ все просилъ меня не безпокоиться, а если бы его отсутствіе продолжалось всего нѣсколько часовъ, о какомъ же безпокойствѣ могла бы быть рѣчь?

— Да что онъ сказалъ тебѣ?

— Право, и понять хорошенько было трудно: онъ былъ очень взволнованъ и спѣшилъ. Проговорилъ только: «ради Бога, простите, что я долженъ уѣхать отъ васъ въ такую минуту. Я отлично понимаю, какую непріятность причиняю этимъ всѣмъ вамъ, но, надѣюсь, вы поймете, что поступить такъ меня могутъ заставить лишь совершенно исключительныя обстоятельства». И ушелъ.

Дѣдушка былъ ошеломленъ. Онъ не могъ придумать, какія такія исключительныя обстоятельства могли заставить Платона уѣхать съ помолвки, но понималъ, что, во всякомъ случаѣ, этотъ стремительный отъѣздъ не сулилъ ничего хорошаго. Сохраняя наружное спокойствіе, онъ прошелся по комнатамъ и увидѣлъ, что отецъ, мать и сестры Платона были на лицо и, повидимому, ничего не знали о случившемся,—слѣдовательно, съ семейной стороны все обстояло благополучно. Войдя въ кабинетъ, онъ остановился на минуту у карточнаго стола, дѣлая видъ, что слѣдитъ за игрой, а между тѣмъ обдумывалъ, какъ же и чѣмъ объяснить гостямъ неожиданное исчезновеніе жениха.

— Баринъ, Георгій Николаевичъ, — послышался полушопотъ сзади.

Дѣдушка оглянулся и увидѣлъ въ дверяхъ, ведшихъ въ коридоръ, своего камердинера.

— Что тебѣ?—не отходя отъ стола, спросилъ онъ.

— Пожалуйте-съ на минуточку... Пріѣхалъ исправникъ и проситъ немедленно доложить вамъ. Говоритъ, очень важное дѣло,— сообщилъ слуга, когда дѣдушка вышелъ къ нему въ коридоръ.— «Ага! Только полиціи для полнаго скандала и не доставало»,—подумалъ дѣдушка и, обращаясь къ камердинеру, спросилъ:

— Гдѣ же исправникъ?

— Въ няниной комнатѣ. Они не пожелали войти, чтобъ не обезпокоить гостей.

Дѣдушка пошелъ по длинному коридору, въ самомъ концѣ котораго находилась маленькая комнатка старой няни.

— Извините, ваше превосходительство, что такъ несвоевременно безпокою васъ, но обязанности службы...—проговорилъ исправникъ, когда дѣдушка вошелъ въ комнату.

— Обязанности вашей службы ко мнѣ?—сурово спросилъ дѣдушка.

— Нѣтъ-съ, я былъ въ усадьбѣ г. Страхова, но прислуга сказала мнѣ, что всѣ они уѣхали къ вамъ... А, между тѣмъ, дѣло не терпитъ отлагательства...

— Къ кому же именно изъ Страховыхъ имѣете вы дѣло?

— Къ сыну Бориса Алексѣевича, гвардіи поручику Платону Борисовичу Страхову.

— Гм... И такое важное дѣло, что его нельзя отложить даже до утра? Вы знаете, что сегодня помолвка этого самаго Страхова съ моей дочерью?

— Слыхалъ объ этомъ, ваше превосходительство. Это, конечно, еще болѣе затрудняетъ исполненіе моихъ обязанностей, но долгъ службы...

Дѣдушка отворилъ дверь въ коридоръ и, не выходя изъ комнаты, позвалъ лакея.

— Поди, попроси сюда Платона Борисовича,—приказалъ онъ.

Онъ, конечно, зналъ, что Платона уже не было въ домѣ, и дѣйствовалъ такъ почти инстинктивно; онъ только понималъ, что если Платонъ поспѣшилъ уѣхать до прибытія исправника и не встрѣтился съ нимъ въ дорогѣ, то, стало быть, онъ уѣхалъ не для того, чтобы предупредить это прибытіе, а, вѣроятно, имѣя надобность сдѣлать что нибудь дома, и слѣдовательно, ему надо было дать выиграть время, задержавъ насколько возможно дольше исправника.

Черезъ нѣсколько минутъ лакей вернулся и доложилъ, что онъ нигдѣ не нашелъ Страхова.

— Вотъ это мило!—разсмѣялся дѣдушка.—Жениха не нашелъ! Ну ступай, ищи еще, авось и найдешь гдѣ нибудь.

— Нѣтъ, позвольте, ваше превосходительство,—заволновался исправникъ.—Нельзя ли это мнѣ?.. Я какъ нибудь объясню свой пріѣздъ.

— Что такое? Я ничего не понимаю. Вы хотите искать Страхова? Да чтожъ онъ прятаться отъ васъ станетъ, что ли?

— Очень можетъ быть... Тутъ, видите ли, такое дѣло... Я не могу объяснить... Извините, пожалуйста, ваше превосходительство,—но въ случаѣ чего, мнѣ можетъ такъ нагорѣть, что и службы лишусь, и даже худшее...

— И все-таки ничего не понимаю. Вамъ нуженъ Страховъ—его сейчасъ и позовутъ. Ступай, ищи!—крикнулъ онъ на лакея.

Но едва ушелъ лакей, какъ въ дверяхъ комнаты показался камердинеръ.

— Ваше превосходительство приказать изволили позвать къ себѣ Платона Борисовича. Они уѣхали домой. За ними прiѣзжали изъ Лялина, кто-то дожидается ихъ тамъ по важному дѣлу. Они взяли лошадь и поѣхали верхомъ.

— Ну, вотъ видите: вы за нимъ, а онъ за вами,—сказалъ дѣдушка исправнику.—Какъ же теперь быть? Вы, что же, подождете его здѣсь. Вѣдь онъ, конечно, вернется, узнавъ, что вы поѣхали сюда.

— Нѣтъ, ваше превосходительство, этого никакъ нельзя. Я ужъ поѣду.

Простившись съ исправникомъ, дѣдушка вернулся въ залъ и шутливо объявилъ гостямъ, что женихъ нечаянно-негаданно украденъ съ бала: вызванъ эстафетой въ Петербургъ, но, какъ ни прискорбно это, онъ усерднѣйше проситъ веселиться безъ него, чтобы невѣста не пришла ужъ въ полное отчаянiе отъ этого неожиданнаго похищенiя. Въ первую минуту гости были нѣсколько озадачены этимъ сообщенiемъ, и одна изъ дамъ даже громко выразила свое недоумѣнiе.

— Какъ же это: прямо съ помолвки и скакать въ Петербургъ?

— Что же дѣлать, сударыня? Служба не разсуждаетъ,—возразилъ дѣдушка:—а Платонъ не былъ при новомъ воцаренiи. Говорятъ, тамъ вышло какое-то недоразумѣнiе съ присягой, и вотъ, вѣроятно, поэтому и требуютъ экстренно всѣхъ офицеровъ къ своимъ частямъ.

До губернiи успѣли уже дойти, хотя и очень смутные, слухи о событiяхъ 14-го декабря, и поэтому объясненiе дѣдушки показалось гостямъ настолько правдоподобнымъ, что они, выразивъ лишь невѣстѣ свое соболѣзнованiе, по случаю неожиданнаго отъѣзда ея жениха, преспокойно продолжали веселиться. Правду узналъ только отецъ жениха и подъ предлогомъ, что все-таки нужно проводить сына, уѣхалъ съ женою домой.

Между тѣмъ дѣдушка, какъ-то случайно натолкнувшись на мысль о событiяхъ въ столицѣ, остановился на ней. А что если и въ самомъ дѣлѣ это событiе имѣло связь съ тѣмъ, что происходило теперь здѣсь? Но причемъ же тутъ могъ быть Платонъ? Какiе-то уличные безпорядки—и гвардейскiй офицеръ! А между тѣмъ этотъ прiѣздъ исправника, это ничѣмъ не объясненное исчезновенiе Платона, его испугъ!.. «Однако, хорошъ же гусь губернаторъ», съ досадою думалъ дѣдушка. «Не могъ предупредить меня. А еще прiятелемъ называется!» Но этотъ укоръ былъ совершенно напрасенъ. На разсвѣтѣ, нарочный, нѣсколько запоздавшiй, по случаю тяжелой дороги, привезъ ему письмо отъ губернатора, въ которомъ тотъ писалъ: «Любезный другъ, Григорiй Николаевичъ. Спѣшу предупредить васъ и боюсь, удастся ли мнѣ это (всѣ люди въ разгонѣ, и голова идетъ кругомъ), чтобы вы отмѣнили подъ какимъ либо благо-

виднымъ предлогомъ помолвку Александры Георгіевны. Всѣхъ гостей, за краткостью времени, конечно, предувѣдомить объ этомъ нельзя, но если съѣдутся они, пусть будетъ просто балъ и безъ Страхова, (пусть заболѣетъ онъ, что ли). Почему?—объясню при личномъ свиданіи».

Это письмо не оставляло сомнѣнія въ томъ, что надъ Платономъ, стало быть, дѣйствительно стряслось что-то и серьезное и, вѣроятнѣе всего,—неблаговидное. Но что именно? Распроводивъ на слѣдующій день гостей, дѣдушка, чтобы удовлетворить желанію Таты, которая хотя и не знала ни о пріѣздѣ исправника, ни письмѣ губернатора, но все-таки волновалась неизвѣстностью о женихѣ, поѣхалъ къ Страховымъ. Но тамъ онъ нашелъ всю семью въ полномъ отчаяніи и почти такой же неизвѣстности на счетъ участи сына, въ какой находились и Бордовицыны. Отъ старика лакея знали только, что ночью въ Лялино (такъ называлось имѣніе Страховыхъ) прискакалъ исправникъ съ двумя жандармами и, достучавшись въ ворота, а потомъ и въ домъ, потребовалъ, чтобы его прямо проводили въ комнату Платона. Лакей отвѣчалъ, что его барина нѣтъ дома, что по случаю его помолвки съ Бордовицынской барышней всѣ господа находятся въ Богдановѣ.

— Экая напасть! Какъ теперь туда ѣхать? А не миновать,—проговорилъ исправникъ.

Старый слуга, жившій все время и въ Петербургѣ съ Платономъ и запримѣтившій кое-что странное въ поведеніи своего барина и его товарищей по полку, быстро сообразилъ, что пріѣздъ исправника съ жандармами не предвѣщалъ ничего хорошаго, и, желая предувѣдомить объ этомъ своего господина, пробовалъ задержать исправника.

— Какъ же вы, ваше благородіе, поѣдете туда? Вѣдь тамъ гостей полонъ домъ. До утра-бъ изволили обождать.

— Никакъ нельзя этого, старина: дѣло очень спѣшное,—пояснилъ исправникъ.

— Это, извѣстно, вамъ лучше знать, да ѣхать-то туда ночью—бѣда. Вѣдь Лялино отъ Богданова и недалече, а между ними Чортова балка лежитъ. Господа вотъ и днемъ ѣхали, а и то ихъ цѣлый конвой верховыхъ провожалъ, и все-таки пришлось откапывать да на рукахъ возокъ вытаскивать: лошади чуть не по уши ушли. А ночью тамъ и совсѣмъ застрянете, и все равно до утра просидите.

— Какая же это Чортова балка? Гдѣ она?

— Да такъ тутъ одинъ оврагъ называется, черезъ него и лѣтомъ-то съ опаской ѣздятъ, а теперь тамъ понасыпало снѣгу вровень съ краями, и, почитай, не ѣздитъ никто.

— Да вѣдь ѣздятъ же какъ нибудь!

— Кому у насъ и ѣздить-то, сударь? Извѣстно, случается нужда, только больше все ѣздятъ проселкомъ, въ объѣздъ. Только ѣхать

проселкомъ—нужно крѣпко хорошо дорогу знать, потому сами изволите видѣть, сколько ноничь снѣгу навалило, да къ тому-жъ еще днемъ мело порядкомъ. Если угодно, я дамъ проводить верховаго съ фонаремъ, а то лучше-бъ до утра остались.

— Нельзя, братецъ, нельзя; мнѣ нужно еще въ одно мѣсто поспѣть. Если можно, пожалуйста, дай провожатаго.

— Слушаю-съ. Я сейчасъ пойду, разбужу парня и прикажу собраться.

Но оказалось, что на сборы провожатаго потребовалось очень много времени, и только настойчивое со стороны исправника «поскорѣй» кое-какъ подвинуло дѣло. Исправника повезли въ объѣздъ, съ расчетомъ, чтобы онъ добрался до Богданова, по крайней мѣрѣ, хотя на часъ, на полтора позднѣе старика лакея, поскакавшаго туда же напрямикъ, такъ какъ въ дѣйствительности никакой опасности для проѣзда чрезъ Чортову балку не существовало. Извѣщенный о случившемся Платонъ, по отъѣздѣ изъ Богданова, всего лишь на нѣсколько минутъ заѣзжалъ въ свое имѣніе; онъ взломалъ только ящикъ письменнаго стола въ кабинетѣ отца и, взявъ оттуда деньги, оставилъ послѣднему коротенькую записку, такого содержанія: «папа, деньги взялъ я. Извини, что беру всѣ, но онѣ мнѣ крайне нужны. Пожалуйста, не безпокойся чрезмѣрно, если до тебя дойдутъ какіе нибудь слухи изъ Петербурга». И послѣ этого, перемѣнивъ лошадь, онъ уѣхалъ изъ Лялина, но куда—никто не зналъ,

И изъ Петербурга дѣйствительно не замедлили дойти слухи, и на этотъ разъ уже болѣе ясные. Стало извѣстно, что въ столицѣ произошли не уличные безпорядки, не мимолетная вспышка черни, вызванная какимъ нибудь недоразумѣніемъ или пустою случайностью, но настоящій бунтъ, въ которомъ принимали участіе, и даже проимущественно, войска и которому предшествовалъ заговоръ. Разсказывали о большихъ будто бы развѣтвленіяхъ этого заговора и о произведенныхъ по всей Россіи арестахъ. Изъ всего этого можно было уразумѣть, какого рода была вина Платона, и какая опасность угрожала ему. Теперь было уже несомнѣнно, что онъ принадлежалъ къ этому заговору, но въ какой мѣрѣ и куда и зачѣмъ уѣхалъ, нужно ли ему было предупредить кого нибудь изъ соучастниковъ, схватили ли и арестовали его, гдѣ находился онъ теперь?—всѣ эти вопросы оставались пока безъ отвѣта.

— Нѣтъ, молодой государь слишкомъ великодушенъ! Позволить женамъ этихъ бунтарей слѣдовать за мужьями и даже приказать оказывать имъ всякое содѣйствіе—это, какъ хотите, доброта выше мѣры. Вѣдь это самое существенное облегченіе участи виновныхъ, съ которымъ соединена цѣлая тысяча всякихъ другихъ льготъ. А

стоятъ ли они этого, эти негодные люди, осмѣлившіеся возмущать войска и народъ противъ своего государя?

Это говорилъ за обѣдомъ у дѣдушки губернаторъ и говорилъ горячо, подбирая изъ сообщеній о декабрьскихъ событіяхъ такіе эпизоды и подробности, которыя должны были возможно больше унизить заговорщиковъ. Дѣлалось это главнымъ образомъ потому, что за столомъ сидѣла и Тата. Хотя она со дня своей злосчастной помолвки почти ни слова не говорила о Платонѣ, но дѣдушка боялся, что она зато слишкомъ много думала о немъ, и, желая всякими способами «образумить» свою дочь, онъ всячески старался развѣнчать въ ея глазахъ предметъ ея первой любви. Губернаторъ зналъ это и съ своей стороны хотѣлъ попріятельски помочь ему, но на этотъ разъ слова, хотя и щедро уснащенныя всякими не лестными для заговорщиковъ эпитетами, привели къ совершенно неожиданному результату. Въ тотъ же день вечеромъ Тата вошла въ кабинетъ отца и, опускаясь передъ нимъ на колѣни, проговорила:

— Папа, я имѣю къ вамъ очень большую просьбу... очень большую и... необыкновенную. Ради Бога, не откажите мнѣ.

Дѣдушка и безъ того не умѣлъ отказывать своей любимой дочери, теперь же, видя ее на колѣнахъ, блѣдную и взволнованную, онъ совсѣмъ растерялся.

— Что такое, что такое? Говори, мой другъ,—сказалъ онъ, подымая Тату съ колѣнъ.

— Папа, не пугайтесь, я предупредила васъ, что моя просьба будетъ необыкновенна... Ради всего прошу васъ, если можно, завтра же поѣдемте въ Петербургъ.

— Въ Петербургъ? Зачѣмъ же, Тата? Въ чемъ дѣло?—догадываясь, что дѣло касается Платона, и еще больше теряясь, спросилъ онъ.

— Я дала слово Платону быть его женой и должна раздѣлить его участь, какова бы она ни была.

— Но, Тата, опомнись. Неужели же ты согласишься стать женою государственнаго преступника? Неужели ты можешь сочувствовать этому негодяю? Тебя, кажется, не такъ воспитывали. Пощади же меня.

— Мы не знаемъ, папа, сути заговора, но слышите, какіе все люди замѣшаны въ немъ? Развѣ могутъ всѣ они быть негодяями?

— Для насъ достаточно знать, что они осуждены государемъ, а государь рыцарски честенъ и справедливъ, ему можно вѣрить.

— Ахъ, папа, не въ томъ дѣло. Они, конечно, заслуживаютъ своей участи за бунтъ, но я хочу сказать, что, можетъ быть, самая идея ихъ не есть идея негодяевъ, какъ вы ихъ называете. Однимъ словомъ, папа, я сама хочу знать все и даю вамъ слово, что если Платонъ окажется не честнымъ чѣловѣкомъ, я не выйду за него, но до тѣхъ поръ, пока не узнаю всего сама, я не успокоюсь.

Послѣ долгихъ споровъ и пререканій, дѣдушка, конечно, сдался

на просьбы Таты и, заручившись отъ моего дѣда съ отцовой стороны письмомъ къ его другу и сослуживцу, графу Алексѣю Ѳедоровичу Орлову, поѣхалъ съ дочерью въ Петербургъ.

Въ Петербургѣ Тата, боясь, чтобы отъ нея не скрыли чего нибудь, всюду неотступно слѣдовала за отцомъ; вмѣстѣ отправились они и къ графу Орлову. Орловъ принялъ ихъ, обѣщалъ навести самыя тщательныя справки о Страховѣ и назначилъ день, когда они должны были пріѣхать за отвѣтомъ.

Въ назначенный день дѣдушка явился съ дочерью въ пріемной графа, о нихъ доложили и попросили въ кабинетъ.

— Къ сожалѣнію, я не могу дать вамъ большихъ свѣдѣній относительно участи интересующаго васъ молодаго человѣка,—проговорилъ Орловъ, когда дѣдушка съ Татой вошли въ кабинетъ:—онъ бѣжалъ.

— Бѣжалъ? О какое гадкое слово!—могла только промолвить Тата.

— Pardon, mademoiselle, если хотите—скрылся. Въ спискѣ противъ его фамиліи стоитъ слово «бѣжалъ». Я велѣлъ просмотрѣть все дѣло, и въ послѣднемъ отчетѣ значится: «не отысканъ».

На другой же день Тата уѣхала съ отцемъ изъ Петербурга домой.

Прошло два года. О Страховѣ за все это время не было ни слуху, ни духу. Тата никогда не вспоминала о немъ, но и замужъ не выходила, и родителямъ волей-неволей приходилось мириться съ мыслью, что ихъ красавица дочь, мечтать о блестящемъ положеніи которой было такъ радостно, навсегда останется при нихъ.

Однажды вечеромъ, когда вся находившаяся на лицо семья дѣдушки сидѣла за вечернимъ чаемъ на террасѣ, дѣдушкѣ доложили о пріѣздѣ Бориса Алексѣевича Страхова. Дѣдушку передернуло. Послѣ неудачнаго сватовства, отношенія Бордовицыныхъ и Страховыхъ держались лишь на офиціальныхъ визитахъ, и поэтому этотъ неожиданный и безпричинный пріѣздъ Бориса Алексѣевича встревожилъ дѣда. Онъ взглянулъ на дочь; на лицѣ Таты тоже можно было уловить волненіе, хотя она и дѣлала усилія сохранить наружное спокойствіе.

Страховъ вошелъ и, послѣ обычныхъ привѣтствій и кое-какихъ вступительныхъ фразъ, оглядываясь по сторонамъ, не слышитъ ли кто изъ прислуги, таинственно объявилъ, что пріѣхалъ Платонъ.

— Гдѣ же былъ онъ до сего времени?—сухо спросилъ дѣдушка.

— А за границей. Онъ, при содѣйствіи нѣкоторыхъ вліятельныхъ лицъ, прекрасно устроился тамъ. И, знаете, совсѣмъ настоящій французъ сталъ, такъ это усвоилъ всѣ ихъ манеры, привычки,—охотно пустился было въ разсказы, очевидно, чувствовавшій себя не совсѣмъ ловко Страховъ. Но дѣдушка перебилъ его.

— Какія же это вліятельныя лица могли оказывать ему содѣйствіе?—спросилъ онъ.

— Да, знаете, изъ этихъ же... Вѣдь тамъ всякіе были замѣшаны, принимали участіе... Такъ вотъ ихъ родственники. Нужно отдать имъ справедливость: у нихъ большое, можно даже сказать, примѣрное единодушіе...

— Кагальность, какъ всегда у подпольныхъ дѣльцовъ.

— Нѣтъ, зачѣмъ же, Георгій Николаевичъ, такъ выражаться? Ихъ все-таки не нужно смѣшивать... Они все-таки благородные люди, могу васъ увѣрить въ томъ. Возьмите ихъ идеи, онѣ, конечно, сумасбродны, но основа ихъ...

— Изъ уваженія къ тому, что это говоритъ отецъ, хотѣлъ бы вѣрить, но подпольная дѣятельность, какими бы идеями она ни вызывалась, вообще претитъ моему характеру, правиламъ и понятіямъ о благородствѣ.

Разговоръ оборвался, и нѣсколько минутъ продолжалось молчаніе. Положеніе было натянутое. Всѣ понимали, что Страховъ пріѣхалъ «съ чѣмъ-то», и не желали дать ему возможность высказать это «что̀-то», а самъ онъ терялся и не зналъ, какъ и съ чего начать. Онъ нѣсколько разъ многозначительно взглядывалъ на Тату, какъ бы прося ее какимъ нибудь вопросомъ помочь ему, вывести его изъ затрудненія, но она тоже молчала, и холодное, безстрастное выраженіе ея лица давало понять, что она относится къ происходящему совершенно безучастно. Дѣдушка былъ взволнованъ больше всѣхъ; онъ не зналъ, какое въ сущности составилось въ головѣ его дочери понятіе о декабристахъ, ибо Тата никогда не говорила о нихъ, и, боясь, чтобы новые по ихъ адресу панегирики старика не подлили масла въ огонь, искалъ предлога увести его. Наконецъ, онъ надумался предложить ему осмотрѣть какія-то нововведенія, сдѣланныя на конномъ заводѣ. Страховъ уцѣпился и за это.

— Съ величайшимъ удовольствіемъ, Георгій Николаевичъ, я уже много слыхалъ объ этомъ, но позвольте мнѣ прежде исполнить порученіе сына, передать его почтительнѣйшую просьбу... Платону, какъ сами понимаете, не совсѣмъ удобно показываться, знаете, лишніе глаза — лишній и языкъ, а время теперь строгое... Онъ и такъ безумно рисковалъ, летя сюда, настоящее сумасшествіе... но сердце не слушаетъ внушеній ума. Поэтому онъ позволяетъ себѣ почтительнѣйше просить пожаловать васъ и Александру Георгіевну къ намъ. Онъ надѣется, что вы, конечно, простите ему эту смѣлость, принимая въ соображеніе обстоятельства, иначе онъ, понятно, давно бы самъ былъ здѣсь... Надѣюсь, Александра Георгіевна,—обратился старикъ уже прямо къ Татѣ, — вы не откажете безумцу, который ради васъ рискуетъ головой. Такое чувство и вѣрность, думаю, достойны вашей доброты.

Дѣдушка замеръ, ожидая отвѣта Таты.

— Передайте, Борисъ Алексѣевичъ, вашему сыну, что я очень цѣню и благодарна ему за память обо мнѣ, но встрѣчаться съ нимъ

не вижу надобности,—проговорила Тата и, поднявшись съ плетенаго диванчика, на которомъ сидѣла, ушла съ террасы въ домъ.

На слѣдующій день въ Богданово прискакалъ Платонъ. Узнавъ, вѣроятно, о поѣздкѣ Таты въ Петербургъ, онъ, очевидно, не хотѣлъ примириться сразу съ такимъ отвѣтомъ ея и, предполагая тутъ какое нибудь недоразумѣніе, должно быть, надѣялся при личномъ свиданіи объяснить и измѣнить ея рѣшеніе. Войдя въ гостиную, онъ засталъ тамъ только бабушку съ ея компаньонкой, но вскорѣ пришелъ и дѣдушка, извѣщенный о пріѣздѣ Платона.

— Могу я видѣть Александру Георгіевну?—просидѣвъ минуту, спросилъ Платонъ.—Надѣюсь, она не лишитъ меня чести быть принятымъ ею.

— Но, кажется, дочь вчера сказала вашему отцу то, что находила нужнымъ сказать,—возразилъ дѣдушка, много успокоенный вчерашнимъ отвѣтомъ Таты, но все-таки боявшійся личнаго свиданія дочери съ ея прежнимъ женихомъ.

— Да, отецъ передалъ мнѣ. Но я желалъ бы слышать, желалъ бы многое знать отъ самой Александры Георгіевны.

Дѣдушка пожалъ плечами, но, обращаясь къ компаньонкѣ, сказалъ:

— Пожалуйста, скажите Татѣ, какъ она желаетъ.

Тата вошла. Лицо ея было спокойно, но по легкому дрожанію голоса и пятнами вспыхивавшему по временамъ румянцу видно было, чего стоило ей это наружное спокойствіе.

— Скажите, Тата,—едва только она вошла въ комнату и поздоровалась съ нимъ, заговорилъ Платонъ,—чѣмъ провинился я такъ передъ вами, что заслужилъ такой отвѣтъ? Если я виноватъ передъ царемъ, то я и несу кару, но за что же вы?.. Что сдѣлалъ я? Объясните мнѣ, пожайлуста, сами вашъ отвѣтъ, что это: измѣна ли, то-есть забыли ли, разлюбили вы меня, или тоже кара? Но за что? Неужели за то, что заговорщикъ, преступникъ я? Но вѣдь нужно же, Тата, разбирать вещи. И я надѣялся на васъ, я думалъ, вы потрудитесь вникнуть въ суть нашего дѣла — и поймете, что нельзя же всѣхъ преступниковъ подводить подъ одну категорію, что можно, и будучи по извѣстнымъ понятіямъ преступникомъ, оставаться въ то же время... ну, хотя не заслуживающимъ презрѣнія близкихъ людей человѣкомъ. Вѣрьте, Тата, что не всегда іезуитское правило: «цѣль оправдываетъ средства», можетъ быть примѣнено для прикрытія лишь низкой дѣятельности... Неужели вы не поинтересовались узнать, чего искали и желали мы? Мнѣ больно ставить вамъ этотъ вопросъ. Я боюсь его, потому что въ немъ заключается объясненіе всего: если вы не поинтересовались узнать — стало быть, я для васъ чужой человѣкъ; если узнали и гоните... долженъ ли я думать, что не заговоръ тому причиной? Ради Бога отвѣчайте, Тата.

— Я никогда не думала обвинять васъ за ваши идеи, ужъ по одному тому, что всего не знаю, а судить по слухамъ — возможенъ ли такой судъ?

— Такъ, стало быть, я долженъ думать послѣднее, потому что не смѣю же я думать, что въ вашихъ убѣжденіяхъ произошла такая перемѣна, что васъ отвращаетъ мое теперешнее положеніе,— положеніе лишеннаго званія государственнаго преступника. Я знаю о вашей поѣздкѣ въ Петербургъ, знаю, съ какимъ великодушнымъ намѣреніемъ вы ѣздили туда, и это дало мнѣ смѣлость явиться къ вамъ и просить объясненія.

— Если знаете, тѣмъ лучше: мнѣ, стало быть, не нужно увѣрять васъ, что не участь жены ссыльно-каторжнаго останавливаетъ меня. Но... Тата запнулась на минуту; лицо ея вспыхнуло, и она даже встала отъ волненія. Видно было, что ей стоило большого труда выговорить послѣдующую фразу, но, подавивъ кое-какъ свое волненіе, она обрывавшимся чуть не на каждомъ словѣ голосомъ проговорила: — Но стать женою бѣглаго дворянина — смѣли ли вы ожидать этого отъ меня?

Страховъ, очевидно, никакъ не ожидалъ обвиненія съ этой стороны, и въ первую минуту опѣшилъ и молчалъ.

Тата, между тѣмъ, продолжала:

— Простите, Платонъ Борисовичъ, за весьма, быть можетъ, горькую для васъ откровенность, но, во-первыхъ, вы сами просили меня быть откровенной, а, во-вторыхъ, я вижу, что вынуждена вамъ это сказать, такъ какъ ваше удивленіе доказываетъ, что вы, вѣроятно, никогда не задумывались надъ вашимъ поступкомъ, но когда я узнала, что вы заочно лишены дворянскаго достоинства, я готова была поклониться въ ноги государю за эту кару. Дворянину возможно, конечно, иногда, какъ и всякому человѣку, впадать по слабости ли характера, по неосмотрительности или увлеченію, въ ошибки и проступки, но онъ долженъ и тутъ помнить, что онъ дворянинъ, долженъ, по крайней мѣрѣ, открыто, не изворачиваясь и не виляя, держать отвѣтъ за нихъ и, если нужно, понести и наказаніе... Такъ поступили и ваши соучастники; они и на допросѣ, и, я увѣрена, теперь въ своихъ арестантскихъ халатахъ остались тѣмъ же, чѣмъ были, между тѣмъ какъ вы...

— Но, Тата, вѣдь я же и бѣжалъ изъ-за васъ. Смѣлъ ли я думать, что въ случаѣ ареста и суда надо мною вы рѣшитесь раздѣлить мою участь? Для меня сдаться значило отказаться отъ васъ навсегда, а это было выше силъ моихъ.

— И вы бѣжали, разсчитывая изъ «бѣговъ» явиться за мной? Какъ же плохо вы знали меня, Платонъ Борисовичъ! Вѣдь я тоже дочь дворянина и, право, не безъ смысла ношу это званіе. Я, можетъ быть, еще примирилась бы съ вами, объяснивъ вашъ посту-

покъ неожиданностью, испугомъ, смятеніемъ ума, если бы вы, хотя впослѣдствіи, одумались и исправили его...

— Для этого, Тата, время не ушло; я и теперь могу явиться государю, разсказать ему все и просить суда надъ собой.

Дѣдушка заволновался при этихъ словахъ Платона и устремилъ испуганный взглядъ на дочь. Но та спокойно отвѣчала:

— Конечно. Но только знайте, что въ моихъ глазахъ вашъ поступокъ не будетъ уже имѣть настоящей цѣны, такъ какъ онъ не самопроизвольный... а подсказанъ вамъ мною, и, слѣдовательно, вы остаетесь — вы. Больше я, кажется, ничего не имѣю сказать вамъ,—проговорила Тата и, поклонившись Страхову, вышла изъ комнаты.

Это было послѣднее свиданіе тети Таты съ ея женихомъ; больше они никогда не встрѣчались, но, вѣрная себѣ, она ни за кого не вышла замужъ и умерла дѣвицей. Скончалась тетя Тата въ Петербургѣ въ 1880 году и по странному совпаденію — въ крещенскій сочельникъ. Она заранѣе указала на этотъ день, какъ на день своей кончины. Когда за недѣлю до смерти жившая при ней сестра предложила ей пріобщиться, Тата отвѣчала, что сама знаетъ, когда это нужно исполнить.

— Я, впрочемъ, умру въ крещенскій сочельникъ,—сказала она:— это роковой для меня день.

— Но неужели же, Тата, ты помнишь до сихъ поръ Страхова и твою злополучную помолвку?— удивленно спросила сестра.

— Совсѣмъ тутъ не въ Страховѣ дѣло, но этотъ день рѣшилъ одну мою участь—здѣсь, навѣрное, онъ же рѣшитъ и другую.

И она дѣйствительно умерла въ крещенскій сочельникъ. При этомъ мнѣ вспоминается одинъ маленькій эпизодъ, происшедшій на ея похоронахъ. Хоронили тетушку въ Новодѣвичьемъ монастырѣ; по петербургскимъ правиламъ гробъ въ теченіе всей службы оставался закрытымъ, и лишь въ концѣ отпѣванія его открыли, чтобы дать усопшей разрѣшительную молитву, а роднымъ — проститься съ ней. Когда крыша была снята, въ группѣ стоявшихъ позади меня богомолокъ вдругъ послышался сдержанный полушепотъ: «ахъ, да и красавица же какая!» Я невольно при этомъ подумала: «вотъ ужъ по истинѣ съ чѣмъ въ колыбелькѣ — съ тѣмъ и въ могилкѣ». А сзади между тѣмъ опять послышалось: «и чего жъ это они ее въ чепецъ нарядили?»

— Да какъ же иначе? Вѣдь она же старуха, — сказала я.

— Что вы, матушка, какая старуха? Нешто мы ослѣпли, не видимъ.

Я взглянула на тетю Тату. Среди лентъ, кружевъ и кисеи нѣжно вырисовывался на обшитой рюшемъ подушкѣ ея тонкій, словно выточенный изъ слоновой кости профиль, она похудѣла за болѣзнь,

смерть сгладила и послѣднія, бывшія кое-гдѣ морщинки съ ея лица и придала ея до старости сохранившей свою прозрачность и бѣлизну кожѣ лишь легкій желтоватый оттѣнокъ, и, глядя на нее съ того мѣста, гдѣ стояли мы, да еще слыша, что на эктеніяхъ поминаютъ «дѣвицу» Александру, дѣйствительно, можно было подумать, что въ гробѣ лежитъ молодая красавица. Да, тетушка безспорно была красавица, но, увы, ея красота не дала ей счастья.

К. Икскуль.

